

Цикл
«ВТОРОЙ АПОКАЛИПСИС»

Князь Пустоты:

Тьма прежних времен
Воин-Пророк
Тысячекратная мысль

Аспект-Император:

Око Судии
Воин Доброй Удачи
Великая Ордалия
Несвятой Консулт

*Посвящается Брайану,
моему брату по сердцу и видению*

Что было прежде...

Первый Апокалипсис уничтожил великие норсирайские народы севера. Лишь юг, кетьянские народы Трех Морей, пережили бойню, учиненную Не-богом Мог-Фарау и его Консультом, состоящим из военачальников и магов. Годы шли, и люди Трех Морей, как это вообще свойственно людям, забыли об ужасе, что довелось перенести их отцам.

Империи возникали и рушились одна за другой: Киранея, Шир, Веней. Последний Пророк, Айнри Сейен, дал новое истолкование Бивню, священнейшей из реликвий, и в течение нескольких веков айнеритизм, проповедуемый Тысячей Храмов и их духовным лидером, шрайей, сделался господствующей религией на всех Трех Морях. Великие магические школы — такие как Багряные Шпили, Имперский Сайк и Мисунсай — возникли в ответ на гонения со стороны айнерити, преследовавших Немногих, то есть тех, кто обладал способностью видеть и творить чародейство. Используя хоры, древние артефакты, делающие их обладателей неуязвимыми для магии, айнерити воевали со школами, пытаясь — безуспешно — очистить Три Моря. Затем Фан, пророк Единого Бога, объединил кианцев, племена пустыни, расположенной к юго-западу от Трех Морей, и объявил войну Бивню и Тысяче Храмов. По прошествии веков, после нескольких джихадов фаним и их безглазые колдуны-жрецы, кишаурим, завоевали почти весь запад Трех Морей, включая священный город Шайме, где родился Айнри Сейен. Лишь остатки Нансурской империи продолжали сопротивление.

Теперь югом правили война и раздор. Две великие религии, айнритизм и фанимство, сражались между собой, хотя терпели торговлю и паломничество, когда это было прибыльно и удобно. Великие семейства и народы соперничали за военное и коммерческое господство. Младшие и старшие школы ссорились и плели заговоры, в особенности против выскочек-кишаурим, чью магию, Псухе, колдуны считали проявлением Божьего благословения. А Тысяча Храмов под предводительством развратных и бесполезных шрай преследовала мирские честолюбивые интересы.

Первый Апокалипсис превратился в полузабытую легенду, а Консульт, переживший смерть Мог-Фарау, — в сказку, которую бабки рассказывают детишкам. Через две тысячи лет только адепты Завета, каждую ночь заново переживающие Апокалипсис, видящие его глазами основателя своей школы, Сесватхи, помнили и этот ужас, и пророчество о возвращении Небога. Хотя сильные мира сего вкупе с учеными считали их глупцами, сами адепты Завета обладали Гнозисом, магией Древнего Севера, и потому их уважали — и смертельно им завидовали. Ведомые ночными кошмарами, они бродили по лабиринтам власти, выискивая среди Трех Морей присутствие древнего, непримиримого врага — Консультанта.

И, как всегда, ничего не находили.

КНИГА 1

Слуги Темного Властелина

Священное воинство — так нарекли огромное войско, которое Майтанет, глава Тысячи Храмов, созвал, чтобы освободить Шайме от язычников фаним. Призыв Майтанета разнесся по всем уголкам Трех Морей, и истинно верующие из великих народов, исповедующих айнритизм, — галеоты, туньеры, тидонцы, конрийцы, айноны и их данники — отправились в Момемн, столицу Нансурской империи, чтобы стать Людьми Бивня.

С самого начала собирающееся воинство погрязло в политических дрязгах. Сперва Майтанет каким-то образом убедил Багранных Шпилей, самую могущественную колдовскую шко-

лу, присоединиться к Священному воинству. Несмотря на возмущение — ведь среди айнрити чародейство предано анафеме, — Люди Бивня понимали, что Багряные Шпили необходимы для противостояния кишшаурим, колдунам-жрецам фанам. Без участия какой-то из старших школ Священная война была бы обречена, еще не начавшись. Вопрос заключался в другом: почему чародеям вздумалось принять столь опасное соглашение? На самом деле Элезар, великий магистр Багряных Шпилей, давно уже вел тайную войну с кишшаурим, которые десять лет назад без видимой причины убили его предшественника, Сашеоку.

Затем Икурей Ксерий III, император Нансурии, придумал хитрый план, чтобы обернуть Священную войну к своей выгоде. Многие земли, ныне относящиеся к Киану, некогда принадлежали Нансурии, и Ксерий больше всего на свете жаждал вернуть империи утраченные провинции. Поскольку Священное воинство собиралось в Нансурской империи, оно могло выступить только в том случае, если император снабдил бы его продовольствием, а он не соглашался, пока каждый из предводителей Священного воинства не подпишет с ним договор, письменное обязательство передать ему, императору Икурею Ксерию III, все завоеванные земли.

Конечно же, прибывшие первыми кастовые дворяне отвергли договор, и в результате ситуация сделалась патовой. Но когда Священное воинство стало исчисляться сотнями тысяч, титулованные военачальники забеспокоились. Поскольку они воевали во имя Божье, то считали себя непобедимыми и совершенно не стремились делиться славой с теми, кто еще не прибыл. Один конрийский вельможа, Нерсей Кальмемунис, пошел навстречу императору и уговорил товарищей подписать договор. Получив провизию, большинство собравшихся выступило, хотя еще не прибыли их лорды и основная часть Священного воинства. Поскольку армия состояла в основном из безродной черни, не имеющей господ, ее прозвали Священным воинством простецов.

Несмотря на попытки Майтанета остановить самовольный поход, армия продолжала двигаться на юг и вторглась в земли язычников, где — в точности как и планировал император — фанам уничтожили ее подчистую.

Ксерий знал, что с военной точки зрения потеря Священного воинства простецов особого значения не имеет, поскольку

ку составлявший его сброд в битве обычно только мешается под ногами. Но с политической точки зрения уничтожение армии сделалось бесценным, поскольку продемонстрировало Майтанегу и Людям Бивня истинный нрав их врага. С фаним, как прекрасно знали нансурцы, шутки плохи даже для тех, кто ходит под покровительством Божьим. Лишь выдающийся полководец, заявил Ксерий, может обеспечить Священному воинству победу — например, такой, как его племянник, Икурей Конфас, который после недавнего разгрома грозных скульвендов в битве при Кийуте приобрел славу величайшего тактика эпохи. Предводителям Священного воинства требовалось лишь подписать императорский договор, и сверхъестественное искусство Конфаса оказалось бы в их распоряжении.

Похоже было, что Майтанет очутился в затруднительном положении. Как шрайя, он мог вынудить императора снабдить Священное воинство провизией, но был не в силах заставить его отправить с армией Икурея Конфаса, своего единственного наследника. В разгар конфликта в Нансурию прибыли первые действительно могущественные айнритийские властители, примкнувшие к Священной войне: Нерсей Пройас, наследный принц Конрии, Коифус Саубон, принц галеотов, граф Хога Готьелк из Се Тидонна и Чеферамунни, регент Верхнего Айнаона. Священное воинство приобрело силу, хоть и оставалось своего рода заложником, связанное нехваткой провизии. Кастовые дворяне единодушно отвергли договор Ксерия и потребовали, чтобы император обеспечил их продовольствием. Люди Бивня принялись устраивать набеги на окрестные поселения. Ксерий в ответ призвал части имперской армии. Произошло несколько серьезных столкновений.

Пытаясь предотвратить несчастье, Майтанет созвал совет Великих и Малых Имен, и все предводители Священного воинства собрались в императорском дворце Андияминские Высоты, чтобы обсудить сложившееся положение. Тут-то Нерсей Пройас и потряс собравшихся, предложив на роль командира взамен прославленного Икурея Конфаса покрытого шрамами скульвендского вождя, ветерана многих войн с фаним. Между этим скульвендом, Найюром урс Скиоатой, с одной стороны, и императором и его племянником — с другой, состоялся разговор на повышенных тонах, и скульвенд произвел сильное впечатление на предводителей Священного воинства. Однако же представитель шрайи колебался: в конце концов, этот вар-

вар был таким же еретиком, как и фаним. Лишь мудрые речи князя Анасуримбора Келлхуса помогли ему выйти из затруднения. Представитель зачитал повеление, требующее, чтобы император под угрозой отлучения обеспечил Людей Бивня провизией.

Священное воинство вот-вот должно было выступить.

Друз Ахкеймион был колдуном, которого школа Завета отравила следить за Майтанетом и его Священным воинством. И хотя Друз уже не верил в древнее предназначение его школы, он отправился в Сумну, город, где располагалась Тысяча Храмов, надеясь побольше разузнать о загадочном шрайе, в котором школа Завета подозревала агента Консульты. Во время расследования он возобновил давний роман с проституткой по имени Эсменет и, несмотря на дурные предчувствия, завербовал своего бывшего ученика, а ныне шрайского жреца, Инрау, чтобы тот сообщал ему о действиях Майтанета. В это время его ночные кошмары, видения Апокалипсиса, усилились; отчасти из-за так называемого Кельмомасова пророчества, в котором говорилось, будто в канун Второго Апокалипсиса Анасуримбор Кельмомас вернется в мир.

Затем Инрау умер при загадочных обстоятельствах. Пораженный чувством вины и до глубины души удрученный отказом Эсменет бросить свое ремесло, Ахкеймион бежал из Сумны в Момемн, где под алчным и беспоконным взглядом императора как раз собиралось Священное воинство. Могущественный соперник школы Завета, колдовская школа Багранных Шпилей присоединилась к Священной войне — из-за давней борьбы с колдунами-жрецами кишаурим. Наутцера, наставник Ахкеймиона, приказал ему наблюдать за Багранными Шпилями и Священным воинством. Добравшись до военного лагеря, Ахкеймион пристроился к костру Ксинема, своего старого друга-конрийца.

Продолжая расследовать обстоятельства смерти Инрау, Ахкеймион убедил Ксинема взять его на встречу с еще одним прежним своим учеником, Нерсеем Пройасом, конрийским принцем, ныне ставшим доверенным лицом загадочного шрайи. Когда Пройас высмеял его подозрения и отрекся от него как от святотатца, Ахкеймион упросил его написать Майтанету об обстоятельствах смерти Инрау. Исполненный горе-

чи, он покинул шатер бывшего ученика в уверенности, что его скромная просьба останется неисполненной.

Затем его окликнул человек, приехавший с далекого севера, — человек, называвший себя Анасуримбором Келлхусом. Измученный повторяющимися снами об Апокалипсисе, Ахкеймион поймал себя на мысли, что страшится худшего — Второго Апокалипсиса. Так что же, появление Келлхуса — не более чем совпадение, или он и есть тот самый Предвестник, о котором говорится в Кельмомасовом пророчестве? Ахкеймион попытался расспросить нового знакомого и поймал себя на том, что юмор, честность и ум Анасуримбора полностью его обезоружили. Они ночь напролет проговорили об истории и философии, и перед тем как уйти, Келлхус попросил Ахкеймиона быть его наставником. Ахкеймион, в душе которого необъяснимо возникли теплые чувства к новому знакомому, согласился.

Но тут перед ним встала дилемма. Школе Завета обязательно следовало узнать о возвращении Анасуримбора: более значительное открытие, пожалуй, и придумать было трудно. Но Ахкеймиона пугало то, что могли сотворить его братья-адепты: он знал, что жизнь, наполненная кошмарными снами, сделала их жестокими и безжалостными. И кроме того, он винил их в смерти Инрау.

Прежде чем Ахкеймион сумел разрешить эту проблему, племянник императора, Икурей Конфас, вызвал его к себе в Момемн. Там император пожелал, чтобы Ахкеймион оценил его высокопоставленного советника — старика по имени Скеаос — на предмет наличия у него чародейской Метки. Император Икурей Ксерий III самолично привел Ахкеймиона к Скеаосу и потребовал выяснить, не отравлен ли старик богохульной заразой колдовства. Ахкеймион ничего не обнаружил — и ошибся.

Но Скеаос кое-что разглядел в Ахкеймионе. Он стал корчиться в оковах и говорить на языке из снов Ахкеймиона. Хотя это и казалось невероятным, старик вырвался и успел убить нескольких человек, прежде чем его сожгли императорские колдуны. Ошеломленный Ахкеймион оказался в двух шагах от завывающего Скеаоса — лишь для того, чтобы увидеть, как его лицо расплывается в ключья...

Он осознал, что эта мерзость — воистину шпион Консульта, человек, способный принимать чужой облик, не имея крас-

норечивой колдовской Метки. Оборотень. Ахкеймион бежал из дворца, не предупредив ни императора, ни его придворных; он знал, что его уверенность сочтут чушью. Им Скеаос казался не более чем артефактом язычников-кишаурим, тоже не носивших Метки. Не видя ничего вокруг, Ахкеймион вернулся в лагерь Ксинема; он был настолько поглощен пережитым ужасом, что даже не заметил Эсменет, которая наконец-то пришла к нему.

Загадки, окружающие Майтанета. Появление Анасуримбора Келлхуса. Шпион Консульты, обнаруженный впервые за много поколений... Как он мог сомневаться и дальше? Второй Апокалипсис должен вот-вот начаться.

И Ахкеймион плакал в своей скромной палатке, сраженный одиночеством, страхом и угрызениями совести.

Эсменет была проституткой из Сумны, оплакивающей и свою жизнь, и жизнь своей дочери. Когда Ахкеймион приехал в город, чтобы побольше разузнать о Майтанете, Эсменет охотно пустила его к себе. Она продолжала принимать и обслуживать клиентов, хотя понимала, какую боль это причиняет Ахкеймиону. Но у нее и вправду не было выбора: она знала, что рано или поздно Ахкеймиона отзовут и он уйдет. Но однако все сильнее влюблялась в злосчастного колдуна. Отчасти потому, что он относился к ней с уважением, а отчасти — из-за мирской сущности его работы. Хотя самой Эсменет приходилось сидеть полуголой у окна, огромный мир за этим окном всегда оставался ее страстью. Интриги Великих фракций, козни Консульты — вот от чего у нее начинало быстрее биться сердце!

Затем пришла беда: информатор Ахкеймиона, Инрау, погиб, и потерявший дорогого человека адепт был вынужден отправиться в Момемн. Эсменет просила Ахкеймиона взять ее с собой, но колдун отказался, и ей пришлось вернуться к прежней жизни. Вскоре после этого к ней в дом с угрозами явился незнакомец и потребовал от Эсменет рассказать все, что ей известно об Ахкеймионе. Обратив ее желание против нее самой, незнакомец соблазнил Эсменет, и та обнаружила, что отвечает на все его вопросы. С наступлением утра он исчез так же внезапно, как появился, оставив лишь лужицы черного семени как свидетельство того, что он действительно приходил.

Эсменет в ужасе бежала из Сумны, твердо решив отыскать Ахкеймиона и все ему рассказать. В глубине души она знала,

что незнакомец как-то связан с Консультом. По дороге в Момемн Эсменет остановилась в какой-то деревне — починить порванную сандалию. Когда жители заметили у нее на руке татуировку проститутки, они принялись забрасывать ее камнями — так, согласно Бивню, следовало карать продажных женщин. Эсменет спасло лишь внезапное появление шрайского рыцаря Сарцелла, и ей выпало удовольствие полюбоваться на унижение своих мучителей. Сарцелл довез Эсменет до Момемна, и постепенно его богатство и аристократические манеры вскружили голову Эсменет. Сарцелл, казалось, был совершенно лишен уныния и нерешительности, постоянно изводивших Ахкеймиона.

Когда они добрались до Священного воинства, Эсменет осталась с Сарцеллом, хоть и знала, что Ахкеймион находится всего в нескольких милях. Как постоянно напоминал ей шрайский рыцарь, колдунам, к которым относился и Ахкеймион, запрещалось жениться. Если даже она убежит к нему, говорил Сарцелл, колдун все равно ее бросит — это лишь вопрос времени.

Неделя шла за неделей, и постепенно Эсменет начала все меньше ценить Сарцелла и все больше тосковать по Ахкеймиону. В конце концов, в ночь перед тем, как Священное воинство должно было выступить в поход, Эсменет отправилась на поиски колдуна. Наконец она отыскала лагерь Ксинема; но тут ее одолел стыд, и она не решилась показаться Ахкеймиону на глаза. Вместо этого Эсменет спряталась в темноте и стала ждать появления колдуна, удивляясь странным мужчинам и женщинам, сидевшим у костра. Уже наступил день, а Ахкеймион так и не появился, Эсменет побрела по покинутому городу — и Ахкеймион попался ей навстречу. Эсменет раскрыла ему объятия, плача от радости и печали...

А он прошел мимо, словно увидел совершенно чужого человека.

Эсменет бросилась прочь, решив отыскать свое место в Священной войне, но сердце ее было разбито.

Найюр урс Скиоата был вождем утемотов, одного из скюльвендских племен; скюльвендов боялись, зная их воинские умения и неукротимость. Из-за событий, сопутствовавших смерти его отца, Скиоаты, — произошло это тридцать лет назад, — соплеменники Найюра презирали его, но никто не смел бросить

вызов свирепому и коварному вождю. Пришли вести о том, что племянник императора, Икурей Конфас, вторгся в степи Джиянати, и Найюр вместе с прочими уемотами присоединился к скульвендским ордам на отдаленной имперской границе. Найюр знал репутацию Конфаса и подозревал, что тот придумал ловушку, но Ксуннурит, вождь, избранный для грядущей битвы королем племен, не прислушался к его словам. Найюру оставалось лишь наблюдать за приближающейся бедой.

Спасшись во время уничтожения орды, Найюр вернулся в уголья уемотов, терзаясь еще больше, чем обычно. Он бежал от шепотков и косых взглядов соплеменников и уехал к могилам своих предков, где нашел у отцовского кургана израненного человека, а вокруг него — множество мертвых шранков. Осторожно приблизившись, Найюр с ужасом осознал, что узнает этого человека — или почти узнает. Он походил на Анасуримбора Моэнгхуса — только был слишком молод...

Моэнгхуса взяли в плен тридцать лет назад, когда Найюр был еще зеленым юнцом, и отдали в рабы отцу Найюра. О Моэнгхусе говорили, будто он принадлежит к дуньянам, секте, члены которой наделены небывалой мудростью, и Найюр провел с пленником много времени, беседуя о вещах, запретных для скульвендских воинов. То, что произошло потом — возвращение, убийство Скиоаты и последовавшее за этим бегство Моэнгхуса, — мучило Найюра до сих пор. Хотя когда-то Найюр любил этого человека, теперь он ненавидел его, яростно и неистово. Он был уверен, что если бы ему удалось убить Моэнгхуса, к нему наконец-то вернулась бы внутренняя целостность.

И вот теперь, каким бы невероятным это ни казалось, к нему пришла копия Моэнгхуса, странствующая по тому же пути, что и оригинал.

Поняв, что чужак может оказаться полезен, Найюр взял его в плен. Этот человек, назвавшийся Анасуримбором Келлхусом, утверждал, что он — сын Моэнгхуса. Он сказал, что дуньяне отправили его в далекий город Шайме убить своего отца. Но как бы Найюру ни хотелось поверить в эту историю, он был настороже. Он много лет непрерывно размышлял о Моэнгхусе и понял, что дуньяне наделены сверхъестественными талантами и остротой ума. Теперь Найюр знал, что их единственная цель — господство, хотя там, где другие применяли силу и страх, дуньяне использовали хитрость и любовь.